

триллер

ГОЗИТИВ

Ольга Дерябина

18+

Ольга Дерябина

Позитив

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Дерябина О. С.

Позитив / О. С. Дерябина — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Студент Роман Корабельников покупает фотоаппарат, поддавшись рекламе. Окрыленный позитивом, он отправляется испытать новую технику, снимая случайных знакомых. Позже он узнает, что все они покончили жизнь самоубийством. В новостях сказали, что это были хорошие люди, и видимых причин для суицида не было. Совпадение? Проклятье? Массовое помешательство? Плод больного воображения? Роман пытается разобраться в ситуации и в режимах странного аппарата. Так он находит ответ на свой главный вопрос: почему в детстве остался круглой сиротой.

© Дерябина О. С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1. Первые фото	5
Глава 2. Случайные кадры	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Дерябина

Позитив

Глава 1. Первые фото

Роман Корабельников шёл по улице, залитой ярким весенним солнцем. У него было отличное настроение. Наконец-то наступило долгожданное летнее тепло. Ещё не до конца отцвели черемуха и сирень, а траву уже украшали россыпи одуванчиков.

Но не только тепло было причиной радости студента. Хозяин кафе «Лиана», где он подрабатывал рядовым официантом, решил поднять его в должности на летний период. Тимофей Воронцов, исполнявший до этого обязанности старшего, «замучил своим нытьем», за что был отправлен в продолжительный отпуск с неясными пока перспективами после его окончания. В честь повышения и за добросовестную работу Альберт Хасин вручил Роману конверт с щедрой премией.

Можно было поступить практично и отложить деньги на чёрный день. Роман размышлял над этим вопросом, когда на его пути возник большой торговый комплекс. Огромный плакат занимал часть фасада: «Только три дня – скидки на фотоаппараты до 30 %».

Роман всегда мечтал о фотоаппарате, однако в его семье не любили фотографироваться, если не сказать – ненавидели. Мальчишку тоже воспитали так – с нелюбовью к снимкам и к их созданию. Хотя он слышал, что отец был мастером своего дела. Его работы даже публиковала местная газета, и наслышанные по сарафанному радио о его таланте приглашали его с просьбами запечатлеть различные торжества.

И если у его сверстников альбомы трескались от количества фотографий начиная с рождения, то у Ромы число карточек можно было пересчитать по пальцам. Хорошо, если обеих рук.

Фотографироваться сам он не любил либо был равнодушен к этому. Однако всегда мечтал побывать по ту сторону объектива, лёгкими щелчками отмеряя кадры.

Рома поймал себя на том, что улыбается, глядя на чёрную «зеркалку», занимавшую большую часть рекламного баннера. Тех, кто его приучал жить без фото, уже нет рядом. Может, это знак свыше – начать новую страницу своей жизни, освободившись от прежних предрассудков?

* * *

Он плохо помнил своих родителей. Мама преждевременно умерла. Рома тогда начал учиться в первом классе.

В тот сентябрьский день он шёл из школы, пиная жёлтые листья, как футбольный мяч и наблюдая, как, медленно кружась, они падают вниз.

Его семья жила в обычной хрущёвке, главной достопримечательностью которой позже стал сосед дядя Коля Иноземцев. Его отправили в Москву в командировку, и там он случайно попал на съёмочную площадку. Спустя годы простой инженер получил звание Заслуженного артиста. А благодаря его популярности пятиэтажка из красного и белого кирпича периодически появлялась в публикациях об известном актёре.

Сейчас рядом их с подъездом стояли чужие машины – с мигалками и надписями, значения которых он не знал. Школьник стал подниматься по лестнице, пытаясь понять, что произошло. Наверху разговаривали соседки. Из сбивчивой речи он разобрал лишь «руки на себя наложил».

Мальчик не понимал, что означает это выражение. Он встал в лестничном пролёте, поставил у ног «сменку» и попытался представить, – как это – «наложить на себя руки».

Он положил ладошки на голову – нет, не то. Это, наверное, «схватиться да голову». Переместил ладони себе на плечи: правую – на правую, левую – на левую. Не очень-то удобно, и вообще странный жест. Опустил руки ниже, на грудь. Фу! Как девушки на взрослых картинках, которые он случайно видел. Рома соединил ладони прямо перед собой, как вдруг на лестнице показались соседки. Одна тут же начала выть:

– Ой, Рома, Ромочка! Молись, мальчик, правильно делаешь, что молишься. Надо вымаливать у Бога прощения за такой страшный грех.

Тетя Вера подошла и обняла ничего не понимавшего парня. Он почувствовал запах жареных котлет от сыроватого фартука.

– Я ничего не понял, и вы меня пугаете, – насупившись, сказал он, держа руки вдоль тела и не собираясь обнимать женщину в ответ.

– Прости, прости, маленький, – соседка смахнула слёзы, взяла влажными ладошками его за щёки. – Пойдём ко мне в гости. У меня кот Васька красивый и котлеты только пожаренные.

– Мне нельзя, мама ругаться будет, – не согласился на заманчивое предложение первоклассник. – Ещё ремня схлопочу.

– Не будет ругаться, пошли ко мне, – соседка попыталась взять его за руку.

* * *

В детском садике и в школе им не раз рассказывали о мерах безопасности: нужно, чтобы родители знали, где вы находитесь, и не ходить без спросу с другими взрослыми. Но более весомым аргументом был ремень. Юрко прошмыгнув мимо тёти Веры, мальчик через ступеньку добежал до своего пятого этажа.

Дверь в их квартиру почему-то оказалась открытой. На площадке и дома находились разные люди – кто в погонах, кто в халатах. Рома замедлил шаг, внутри нарастало беспокойство. Что-то произошло – но что?

Мальчик почувствовал, как предательски затряслись коленки. Он подошёл к двери, когда она резко распахнулась. Из квартиры вышли двое мужчин. От волнения ребёнок начал заикаться:

– Я... мне... мама... вы кто?... где?... мне надо... – Рома попытался протиснуться внутрь, но путь перегородил один из дядек.

Он присел на корточки и посмотрел на ребёнка, теребившего лямки портфеля и шнурок «сменки». Сзади поднималась соседка, тётя Вера.

– Ты кто? – спросил мужик.

– Рома. Я здесь живу. И если я не вернусь вовремя, мне может влететь.

Мужчина отвёл глаза и потербил мальчика по плечу.

– Здесь, значит, живёшь.

Тётя Вера поднялась на площадку.

– Вот, убёг домой. Хотела его к себе позвать, пока тут... Я на третьем этаже живу, – объяснила женщина.

– Сходи в гости к тёте...

– Вере, – подсказала женщина.

– К тёте Вере, – согласился мужчина.

– Никуда я не пойду, – заупрямился пацан. – Мне мама не разрешила!

Из коридора показался отец. Рома не понимал, что с ним случилось – он был какой-то странный. Папа смотрел на сына, не узнавая его.

– Александр Владимирович, это ваш мальчик?

Отец не сразу сообразил смысл вопроса и к кому именно он обращён. С трудом сфокусировался на мальчике. Затем кивнул:

– Это он, мой сын, – пересохшими губами сказал он.

– Как тебя зовут? – спросил мальчика мужчина.

– Рома.

– Рома побудет у соседки тёти Веры с третьего этажа, – предупредил незнакомец отца.

– У тёти Веры с третьего этажа, – эхом повторил отец.

– Не хочу я к тете Вере, сказал же! Я домой хочу, – заупрямился мальчик. – Где моя мама? Позовите её, сейчас же! – в нетерпении он даже топнул ногой.

Все перевели взгляд на отца.

– Рома... Нет у нас больше мамы, – еле проговорил он.

– Куда она девалась? – не понял сын.

– Она сейчас смотрит на нас сверху и думает о том, каким ты вырастешь хорошим.

Рома посмотрел на потолок и увидел только паутину и трещинки на известке. Хотя такие слова он уже где-то слышал. Да, точно, в кино, когда...

– Ты что, папа! Так же говорят, если человек умер. А мама не такая, – прошептал Рома.

Тётя Вера тихонько завывала. Мальчик обернулся на неё, и смысл происходящего стал до него доходить. – Моя мама... умерла?

Отец зажал большим и указательным пальцем себе глаза:

– Прости меня, Ромка, не смог сберечь мамку нашу.

– Так она насовсем... умерла? – ребёнок не мог поверить в значение этих шести букв.

– Насовсем... Прости... – отец шагнул вперёд, чтобы обнять сына.

Тот почувствовал, как заваливается назад. Если бы не битком набитый учебниками портфель, свернул бы шею.

Он тогда видел отца в последний раз – серого, постаревшего, с отстранённым взглядом, мокрыми щеками и глазами, которые он прятал большим и указательным пальцем.

Папку «упекли», а его оставили на воспитание бабушке Кате, маме мамы.

Отца они не навещали, а позже он случайно подслушал разговор, что тот умер.

Год назад не стало бабушки. Постепенно стали стираться установленные запреты. Точнее, был один, зато странный – главный запрет.

Это же не алкоголь и не наркотики. Фотография – интересное, творческое увлечение. И если появилась возможность его себе позволить, надо послушаться сердца.

* * *

Утром в понедельник гипермаркет техники был практически свободен от посетителей. Часть продавцов-консультантов курили и хохотали под табличкой с дымящейся сигаретой на улице, не торопясь возвращаться в зал. Другие смотрели смешные видеоролики на телефонах. Кассирши в открытую зевали.

На молодого парня с кудрявыми русыми волосами, забранными в хвост, светлых модных джинсах, клетчатой рубашке и кедах не обратили внимания, сочтя за нищего студента, решившего поглазеть на дорогостоящие товары.

Рома действительно учился в политехническом, на инженера. Как раз заканчивал третий курс. Но он давно привык одновременно зарабатывать, чтобы не сидеть на шее у бабушки.

Утреннему посетителю стало неприятно. Работа консультантов – консультировать. Даже если клиент просто приценивается или, скажем, может себе позволить покупку лишь в кредит – то есть с дополнительным ожиданием. Но точно не игнорировать возможного покупателя.

Многие сотрудники нарисовываются, только чтобы донести выбранный товар до кассы – вот, мол, чья заслуга, что посетитель ушёл не с пустыми руками.

Роман сам не понимал: чего он так завёлся? Надо сконцентрироваться на предстоящей приятной покупке, а не на основах магазинного бытия.

– Простите, вам помочь? – услышал Рома деликатный вопрос за спиной.

Покупатель повернулся: перед ним стоял его ровесник, рыжеволосый парень с конопушками, заполнившими лицо и руки. На носу – круглые очки с толстыми стёклами. Фирменная футболка подчёркивала слои вокруг торса. На бейджике было указано: «Вениамин Котов, стажёр». Вот, значит, как. Сами решили не мараться, отправили сопляка.

– Вы в них хотя бы разбираетесь, чтобы помогать? – усмехнулся Роман.

– Я попробую подобрать подходящий для вас вариант, – кожа под конопушками стала краснеть. – Вам для чего нужен фотоаппарат? Для себя, для работы? Съёмки в помещении, в движении, для торжеств или просто всё подряд?

– Для себя, всё подряд.

– Можно поинтересоваться суммой, на которую вы рассчитываете?

– У вас на баннере указана оптимальная.

– Понял, – парень немного расслабился. – Посмотрите вот эту модель. Компактная, и снимки получаются хорошие. А этот аппарат потяжелее и удобен для тех, у кого большие ладони. А у этого дополнительные функции...

Роман со стажёром принялись обсуждать плюсы и минусы разных моделей. Компания консультантов со стажем всё чаще недоверчиво поглядывала на них. Один из них – самый здоровый – такой, что пузо выглядывало из-под фирменной футболки, – зычно щёлкнул жвачкой и подошёл к ним.

– Слышь, пацан, фотик нужен? – Роман повернулся и прочёл на бейджике: «Дмитрий Киров».

– Слышь, не в подворотне, и у меня уже есть консультант.

– Да какой он консультант – без году неделя, – сморщился толстый.

У Вениамина снова вспыхнули щёки.

– Какой первым подошёл и начал консультировать.

– Ну, он начал, а я продолжу.

– Процент с продажи? – усмехнулся Роман. – Свой заслуженный процент с продажи получит он. А вы можете продолжить просмотр ютуба.

– Пацан, я тебя реально предупредил.

– Я те не пацан, а покупатель. И не твой, а его. И я тоже предупредил.

– Ну, и что он тебе предложил? – свысока спросил старший. Остальные консультанты наблюдали за сценой.

– Вот этот я беру, – сказал Роман Вениамину, щёлкнув выбранным аппаратом. – Ещё нужна карта побольше, аккумуляторы и кофр.

Второй продавец демонстративно развёл руки – мол, к кому он тут обратился!

– А если вы, Дмитрий Киров, не научитесь вести себя подобающе со своими коллегами и покупателями, я буду вынужден жаловаться начальству.

Продавец не сдвинулся с места, продолжая смотреть на Романа через опухшие веки – теперь с наливавшейся в них злостью.

– И ещё раз хочу напомнить, что здесь магазин, а не подворотня, – добавил Роман и направился к кассам.

В зале появился мужчина в строгом костюме. Судя по оперативности, с какой разошлись консультанты – начальник. Он подошёл к утреннему покупателю.

– Доброе утро. У вас всё в порядке? Вениамин у нас молодой специалист. Если его консультации покажется недостаточно, можете обратиться к более опытным сотрудникам.

– Благодарю, – ответил Роман. – Вениамин прекрасно справился со своей задачей. Берегите такие перспективные кадры.

– Правда? – теперь начальник посмотрел на стажёра с интересом. – Хорошо, учту.

Когда начальник ушёл, Вениамин поблагодарил покупателя – может быть, первого для него, зато щедрого:

– Спасибо. За доверие и рекомендацию.

– Не за что. Удачи, – Роман подмигнул, сложил фотоаппарат в новый кофр и отправился на фотоохоту. В новый микрорайон поблизости.

* * *

Она была похожа на ангела. Ей было лет двадцать. Русые, мелко вьющиеся, как от химической завивки, волосы непослушными прядями падали на плечи. Чуть приподнятая длинная чёлка открывала красивые серые глаза. Свободная белая футболка игриво оголяла левое плечико, а короткие джинсовые шортики – стройные ноги. Незнакомка сидела на подоконнике, распахнув окна квартиры на втором этаже, и тоже радовалась солнечному дню.

Она улыбнулась Роману и помахала рукой. Он помахал в ответ, остановился и сделал несколько кадров. Красотка не возражала, даже немного попозировала, приподняв обеими руками пышные волосы и отправив воздушный поцелуй. Через объектив он видел, какие красивые получаются снимки: случайная незнакомка была словно топ-модель. И от этого настроение улучшалось.

Роман поднял большой палец вверх и тоже отправил воздушный поцелуй. Затем начертил в воздухе прямоугольник. Та всё поняла, нарисовав в воздухе палочку и лебедя – номер квартиры, куда занести фото.

Фотограф ещё раз улыбнулся и направился дальше. На углу дома он обернулся и направил объектив на табличку с номером дома, чтобы не забыть.

Снимок против солнца получился мистическим: темнели бордовые кирпичи дома, лучи солнца сверлили окна и сидящую на подоконнике девушку. Отсюда была видна часть согнутой в колене нога и изящная кисть руки. В самом верху кадра, где-то на верхних этажах, появилось тёмное пятно, испортившее кадр.

Интересно, как её зовут? У такой красотки наверняка необычное, редкое имя. Роман начал мысленно перебирать женские имена – Лиля, Зоя, Злата, Влада... «Злата» больше всего подходило незнакомке – не только из-за цвета волос, но и из-за необъяснимого внутреннего сияния.

Он ещё раз повернулся в поисках нужного окна. Изящного колена и руки уже не было видно. Но Роман был уверен, что Злата продолжает сидеть на подоконнике и радоваться солнцу.

* * *

Он шёл дальше по новому микрорайону. Новоявленному фотографу нравились комплексные застройки: в едином стиле – жилые дома, площадки для игр, спорта, отдыха, продуманное размещение парковок. Плюс такие очаровательные детали, как скульптуры и фонтаны.

Впереди показалась центральная площадь микрорайона. Брусчатка соседствовала с асфальтированными дорожками и кругами для тех, кто на колёсах – велосипедах, роликах, самокатах, скейтбордах.

В центре из земли били струи фонтана. В жару между ними носились дети. В тёмное время загоралась подсветка.

Неподалеку от фонтана находилась любопытная конструкция, похожая на огромный мятый бетонный лист. Малыши лазали по нему и под ним, взрослые ложились поудобнее, чтобы полюбоваться зеленью в лучах солнца, новым двором, искрящимся фонтаном.

По периметру площади были посажены деревья и расставлены скамейки. Длинные конструкции из чёрных прутьев давали возможность сесть лицом к площади или к новенькому дому с яркими полосами на фасаде.

На одной из скамеек сидела она – прекрасная дама. Дымчатые очки и мягкая широкополая серая шляпа прикрывали её глаза. Элегантное серое платье с глубоким вырезом и широким поясом по талии, подчёркивающим сохранившуюся стройность фигуры. Изящные туфли на шпильках. Клатч на тонком ремешке лежал рядом.

«С такими красивыми женщинами нужно выходить в свет – в театр или дорогой ресторан», – подумал Роман.

Он навёл объектив на женщину. Она подняла тоненькую сигарету и словно обдумывала: делать ли следующую затяжку? Щёлк – Рома видел, каким выразительным получился кадр. Захотелось закрепить успех: щёлк, щёлк, щёлк.

Женщина обернулась на звук и улыбнулась случайному прохожему. Затем сделала затяжку и медленно выпустила белую струю. Щёлк, щёлк, щёлк.

Она увидела восторженный взгляд молодого парня. Для женщин за тридцать пять это лучше любых комплиментов. Захотелось немного его подразнить – просто так, для поддержания формы. Когда-то и она была такой молоденькой и беззаботной – давным-давно, в другой жизни. Она улыбнулась, вспоминая свои двадцать лет. Щёлк, щёлк, щёлк.

Перед тем, как пойти дальше, Роман решил поблагодарить прекрасную даму за прекрасные фото. Он приложил ладонь к сердцу, несколько секунд постоял, а затем поклонился, другой рукой отводя фотоаппарат в сторону. Женщина махнула кончиками пальцев и отвернулась.

Роман прошёл несколько метров, пересёк оживлённую дорогу и снова повернулся в сторону женщины. Красивый силуэт в элегантной шляпе на фоне брызг фонтана смотрелся как прекрасный оазис среди спешащих автомобилей. Щёлк, щёлк, щёлк.

* * *

Роман шёл по широкой, выложенной брусчаткой, тропинке, мимо кустов сирени. Издали он увидел молодого мужчину, ему было лет около тридцати или чуть больше. И он был в таком же хорошем настроении, как и начинающий фотограф.

Одну руку он держал в кармане брюк льняного серого костюма, второй то и дело снимал серую сетчатую шляпу и надевал вновь, сдвигая её набок. Он счастливо улыбался, кружась в ритме своей внутренней музыки, готовый поделиться со всеми хорошим настроением и переполнявшим его позитивом.

За мужчиной наблюдал не только Роман, но и сидевшая на скамейке молоденькая девушка в белом воздушном платье. Её длинные русые волосы светились под лучами солнца, словно ангельский нимб.

Пешеход поравнялся с юной барышней и галантно протянул руку, будто бы приглашая на танец. Такому счастливцу невозможно было отказать, и девушка протянула бледную худенькую ручку и улыбнулась. Незнакомец легонько потянул её к себе, девушка, смеясь, вскочила со своего места. Он поднял её руку вверх, и она закружилась, воздушное платье приобрело форму колбы в лаборантской химического кабинета. Сквозь белую ткань просматривался стройный силуэт.

Мужчина ловко наклонил её, подставив крепкую руку под её спину, ещё раз закрутил в своём вихре и вернул на прежнее место на скамейке. Галантно поклонился и, танцуя, продолжил свой путь.

Увидев, что его фотографируют, мужчина снова снял шляпу, чуть наклонился вбок, держа её вверх ногами, затем подкинул, ловко поймал и вернул на место, по привычке сдвинув.

Роману не терпелось посмотреть фотографии. Если их сделать чёрно-белыми, они станут ещё более выразительными. Он ухватился за эту мысль, задумавшись об её истоках. Фотографией он занимался около часа, и то лишь глядя в продолговатое окошечко и экспериментируя на ходу.

Он понял, как на самом деле хотелось получить запретный плод. А потом вспомнил источник чёрно-белого цвета, и улыбка сползла с лица.

* * *

Когда не стало мамы, а папу забрали в тюрьму, Рома стал жить у бабушки Кати. Возраст она была немолода, но опекунство в местной администрации пошло навстречу: в родном доме всё лучше, чем в детском. Бабушка ещё работала, так что могла их содержать. Других кандидатов-родственников у сироты больше не было.

Они жили дружно. Бабушка кормила его домашними пирогами, устраивая празднества со своим фирменным – вишнёвым, помогала справляться с уроками, приглядывала, чтобы его никто на улице не обидел, а по вечерам просила почитать ей вслух.

Бабушка с внуком не говорили о том, *что* произошло. Даже старались избегать тем, связанных с его родителями. Маленький Рома думал, что бабушка забыла про его маму, всё-таки немолодая уже, память слабенькая. Но однажды застал её плачущей.

Рома давно отправился спать, однако из-за духоты долго ворочался по мягкой постели. Поняв, что просто так не уснёт, он решил сходить на кухню выпить стакан воды.

Спальня, где он теперь жил, когда-то была маминой, она выходила в другую комнату – «зал». Сразу справа от его дверей стоял старенький телевизор на тумбочке. Дальше колыхались шторы приоткрытого балкона.

Рома посмотрел влево. Диван, где обычно спала бабушка, был ещё не разобран. Он прошёл вдоль шкафов, закрывавших стену слева, до следующей двери. В кладовке находилась швейная машинка, были разложены клубки шерстяных нитей, спицы, куски ткани, защемлённые в большие круги. Бабушка любила рукодельничать и сделала из кладовки себе мастерскую.

Если она рукодельничала, то крашеная деревянная дверь освещалась по периметру. Сейчас привычного желтоватого прямоугольника не было.

Откуда-то справа он услышал всхлипывание. Рома направился в сторону тёмной кухни. Хотя это странно: если бабушка там, то почему не включает свет? Или решила сэкономить?

Мальчик пошёл к арке, часть которой перекрывал стеллаж с книгами. Всклипывание повторилось. Рома на цыпочках, стараясь не шуметь, приблизился к коричневым полкам и выглянул из-за потрёпанных корешков.

Бабушка сидела у окна на табуретке, ссутулившись над какой-то бумажкой, и плакала. Поднимала глаза на освещавшую помещение луну, крестилась, горько вздыхала и снова опускала глаза на листок.

Скрипнула половица, но из-за шума оживлённой дороги за окном бабушка не услышала звука. Она снова перекрестилась и из квадратного кармана кофты без рукавов достала платок.

Рома не знал, что делать. Пить ему перехотелось, можно было бы тихонько уйти, пока бабушка не заметила его присутствия. Но вдруг ей станет плохо? Она же старенькая, не сможет себе помочь. Им в школе рассказывали об этом и о том, что нужно делать в таких ситуациях.

Неожиданно табуретка отодвинулась, бабушка встала, продолжая смотреть куда-то на луну и прижав листок к груди. Рома растерялся ещё больше. Добежать до своей комнаты он не успеет, и половицы могут скрипнуть. Выйти сейчас, будто он только что встал – бабуля не поверит: врать внук не умел. Хуже будет, если она обнаружит, что он спрятался и следит.

Пожилая женщина ещё раз перекрестилась, вздохнула, положила листок на стол и направилась к выходу. Рома шагнул за стеллаж с книгами, боясь, как бы звук колотившегося сердца

не выдал его присутствия. На всякий случай затаил дыхание, закрыв рот ладонями, чтобы случайно не выдохнуть.

Бабушка, едва шаркая тапочками по кругловатым доскам пола, прошла мимо стеллажа в ванную. Внук услышал, как щёлкнула задвижка, а потом полилась вода.

Самое время бежать обратно в постель, но раздирало любопытство: что заставило бабушку плакать? Он прошёл на кухню. На столе лежала чёрно-белая фотография мамы.

Она была красива. Клетчатая рубашка с закатанными рукавами, руки в садовых перчатках. Локоны чуть растрёпаны, и взгляд удивлённый, будто она не ожидала этого кадра.

Эту рубашку Рома помнил, мама как раз её надевала *перед тем днём*.

Почему мама умерла? За что папу посадили в тюрьму? Вопросов у подрастающего мальчика становилось всё больше, однако бабушка не хотела на них отвечать.

Вода в ванной прекратила литься. Рома поцеловал чёрно-белую маму на фотографии, положил фотографию на стол и побежал в свою спальню, надеясь, что бабушка ничего не услышит.

* * *

Вздыхнув от своего воспоминания, Рома повернул налево, к другой площадке для отдыха, и увидел старичка. Он добродушно улыбался в белые усы, опёршись обеими руками в тросточку и положив сверху подбородок.

Опрятный дедушка был одет в брюки в мелкую клетку, однотонную светлую рубашку, бежевую ветровку и кепку в крупную клетку, из-под которой виднелись белые локоны. Пожилой денди, не иначе!

Мужчина с интересом наблюдал за происходящим вокруг, улыбался прохожим и радовался солнечному деньку. Роман навёл объектив фотоаппарата. Дедушка подмигнул, а потом расхохотался. Вся гамма позитива, исходившего от него, осталась на кадрах.

Интересно, о чём думал седовласый мужчина? Может, вспоминал свою молодость, свои летá, когда он был ровесником Ромы. Додумать парень не успел. Из кармана донеслась тихая трель телефона, на дисплее высветилось: «Альберт» – хозяин кафе.

Рома вздохнул: вслед за повышением, как правило, следует отсутствие свободы. А с появлением мобильных найти подчинённых стало значительно проще. Интересно, как раньше, без сотовой связи, главные начальники добивались до нижестоящих?

Ладно, прорвёмся, усмехнулся своим мыслям Роман и провёл пальцем вправо.

– Ром, ты? – услышал он знакомый акцент.

– На связи, начальник, – ответил он добродушно.

– Выручай. У тебя выходной, конечно, но Кирка, падла, опять заболела. Грипп, говорит, курятничий у неё.

– Птичий? – улыбнулся Роман.

Кирка была хорошей сотрудницей. Но чтобы в этом в очередной раз удостовериться, её нужно было загнать на работу. Правдами инеправдами она придумывала поводы, чтобы остаться дома.

Говорят, причины всех её болезней – дела сердечные, и каждый день новые. Хотя свою норму в прогулах она знала. Шестым или седьмым чувством понимала, когда над её хорошенькой рыженькой головкой нависало бремя увольнения, тут же являлась с извинениями словесными и не только.

И Альберт, и Роман понимали, что она внаглую врёт, но прощали ей её шалости.

– Холера её знает, – хозяин что-то пробубнил на своём, хотя и без перевода было понятно, что выругался. – Тьфу ты, ещё холеры не хватало!

– Ладно, скоро приеду, подмену, – согласился Роман.

– Да ты ж мой золотой! Знал ведь, на кого можно будет положиться, – Роман по голосу слышал, что начальник улыбается. – В общем, жду.

Он посмотрел на фотоаппарат, собираясь сделать последний кадр с площадки, где мамы вальяжно кружили с колясками. С телефоном в руках нечаянно нажал на кнопку. Поднёс его к глазам и увидел, как заряд, выдав последний «щёлк», окончательно покинул аккумуляторы.

– Значит, точно надо ехать работать, – решил Роман. Сложил обнову в кофр и направился на автобусную остановку.

* * *

Лилия Станиславовна и Андрей Укрупников устроили пикник на берегу. Параллельно реке, делящей город на две части, росли густые ивы, за которыми вразнобой шли тополя, берёзы, ели. Зелёная прослойка давала тень и уединение.

За деревьями шла чередой старых деревянных домов, готовившихся к сносу для новых застроек, которые подступали к реке со стороны строящегося микрорайона.

Пока до этого участка не добралась техника, центр с заречной части города оставался тихим оазисом, оберегавшим редких гостей от шума и суеты.

У студентов была в разгаре сессия. Но до ближайшего экзамена оставалось несколько дней, и поэтому они решили позволить себе романтическую вылазку.

В изголовье широкого покрывала на одноразовой пластиковой тарелке были разложены фрукты, на другой – бутерброды. Завершали натюрморт вино в картонной коробке и пластиковые фужеры.

Влюблённые с наслаждением вытянули ноги, наблюдая, как между пальцами искрится река. На противоположном берегу кипела жизнь: куда-то торопились люди и машины. Тихая вода разносила отголоски нетерпеливых клаксонов и визг шин.

Они лежали, наслаждаясь негой, тёплой погодой и друг другом. Вокруг летали бабочки, первые стрекозы, чирикали птицы.

Лилия лежала на боку, опершись на согнутую руку. Она смаковала черешню – немалые деньги отдали за первые в этом году ягоды, но слишком велик соблазн. Чокнувшись бокалами, услышали глухой звук пластика.

– Ляпота-то какая, – протянул Андрей.

– Угу, – добравшись до очередной ягодки, согласилась Лилия.

Андрей в два глотка опустошил свой фужер, поставил его рядом с картонной коробкой и перевернулся на живот, оказавшись носом возле самой груди возлюбленной. Та продолжала смаковать черешню.

– Давай махнём куда-нибудь после сессии, – предложил он.

– Куда?

– Не знаю. Надо посмотреть горящие путёвки или поехать дикарями на наше Чёрное.

– Надо, – улыбнувшись, согласилась Лилия.

– А ты к пляжному сезону готова?

– То есть?

– Сейчас оценим ваши, мадемуазель, формы, – Андрей начал расстёгивать маленькие пуговицы на плиссированном платье-халате.

– Формы, как всегда, прекрасны, – Лилия закинула косточку в пакетик для мусора и сладко потянулась, позволяя снять с себя наряд.

Андрей поцеловал оголившийся животик, когда в стороне вдруг затрещали ветки. Девушка подскочила и стала спешно застегивать платье.

– Как медведь, – испуганно прошептала она.

– О чём ты говоришь? Какой медведь? – Андрей тоже вскочил.

– Может, и не сам медведь, но повадки такие же.

– Я пойду проверю, что там, – он нерешительно посмотрел в сторону зелёной полосы. Ему было явно не по себе.

– Стой, я с тобой, – Лиля начала натягивать босоножку на мягкой подошве.

– Зачем? – не понял Андрей.

– Страшно одной. Мало ли, – она натягивала вторую босоножку.

– Ладно, пошли, – согласился Андрей. Если опасность реальна, то лучше быть рядом.

За кустами снова затрещали ветки. Лилия подскочила к Андрею, он обнял девушку.

– Может, дома старые начали ломать? – зашептала она.

– Да нет. Был бы другой грохот. А сейчас деревья ломают.

Громко хрустнула ветка, после чего послышалась возня.

– Реально, кто это может быть? – Лилия испуганно смотрела на кусты. – Вдруг правда медведь? Из зоопарка или из цирка сбежал?

– Надо найти палки для защиты.

Он оглянулся на берег. Сероватый песок, зелень, одна трухлявая ветка у кромки. За кустарниками снова послышалась возня, теперь как будто кто-то лез на дерево.

– Я боюсь, – прошептала Лилия.

Андрей сжал её ладонь, ему тоже было не по себе.

– Давай пойдём вдоль кустов, надо просветы поискать. Если что – деревья защитят. И в воду можно будет забежать, даже речку переплыть.

– Я не так хорошо плаваю, – призналась Лилия. – И здесь воронки есть, опасно.

– Сейчас и здесь небезопасно.

Снова послышалась возня, характер которой влюблённые не могли определить.

– Пошли. Надо посмотреть, что там творится, – Лилия чуть сжала руку парня.

Оба наклонились, подошли ближе к кустарникам и медленно пошли, пытаясь рассмотреть, что творится за частоколом-ельником. Сделали несколько шагов, пока никого и ничего не было видно. Хрустнула веточка под стопой Андрея.

– Ш-ш-ш, – остановила его Лилия. – Ты что, как слон! Под ноги смотри.

Они приближались к месту, откуда был слышен шум, но пока за ветками были видны лишь другие ветки.

Возня прекратилась. Парочка остановилась.

– Может, он нас почуял и решил напасть? – испуганно спросила Лилия и перевела взгляд на реку. Жить захочешь – и плавать научишься.

Андрей приблизился к веткам кустарников. По-прежнему ничего не было видно. Лилия подошла почти вплотную и тоже стала пристально вглядываться.

– Чёрт, не вижу, – она пошла вперёд, где был виден просвет между кустарниками.

Андрей поспешил за ней. Вместе они выглянули из-за ветвей. Парень продвинулся вперёд и осмотрелся по сторонам.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросила Лилия.

– Да ничего.

– Как? Совсем?

– Совсем.

Девушка тоже постаралась пробраться через просвет. Под ними затрещали ветки.

– Слушай, может, оно наверх лезло?

Оба стали смотреть по сторонам выше. И оба одновременно закричали, увидев его. К основанию массивной ветви сосны толстым узлом была привязана верёвка. На другом конце – в петле – висел мужчина в сером льняном костюме. Губы на искаженном лице чуть улыбались. Возле ствола дерева лежала сломанная ветка, потёртое мыло, кулёк с другой верёвкой и шляпа.

– Мамочки, – Лилия испуганно зажала ладошкой губы, чтобы не закричать. – Он ведь при нас повесился! – глаза стали наполняться слезами.

– Может, мы сумеем его спасти? – Андрей выбрался из зарослей и побежал вперёд. – Звони в скорую, срочно. А я пока попытаюсь снять и откачать.

Лиля похлопала по бёдрам. В отличие от привычных джинсов, на платьишке не было карманов. Она побежала обратно к месту пикника, где остался рюкзачок.

Замок, за которым лежал телефон, заело. Хозяйка чуть не вырвала его, пытаясь открыть силой. Потом сделала глубокий вздох, аккуратно провела бегунком вперёд и назад. С ровным гулом молния раскрылась.

Где-то в начале списка был номер телефона службы спасения. Пальцы непослушно нажали на галерею, на сообщения, и только потом на список контактов. Нужный номер был найден, начались гудки.

Лиля подошла к кромке реки, поймав себя на мысли: «Чтобы лучше было слышно, как у окна».

Ответил приятный женский голос. Диспетчер задавала вопросы, а звонившая понимала, что отвечает невпопад. Но, несмотря на это, кажется, диспетчер поняла, что произошло.

Нажав отбой, Лиля побежала к тому месту. Андрей неловко забрался на дерево и тянул мужчину к себе, пытаясь ослабить хватку петли. Тот уже никак не реагировал на происходящее.

Лиля подбежала, схватила висельника за серые туфли и попыталась поднять вверх. Тело качнулось, Андрей чуть не упал с дерева. Но смог схватиться за петлю, чтобы ослабить её.

Лиля просунула пальцы в туфли мёртвого и стала щекотать подошвы.

– Эй, мужик, очнись! – кричала девушка. – Мы тебя спасаем, помоги нам.

Висельник никак не реагировал.

– Постарайся его ещё немного поднять, – Андрей с трудом переводил дыхание, обхватив ногами ствол.

Лиля взяла мужика за ноги и рванула вверх. Верёвка пробороzdила ему шею под подбородком, а потом с силой пронеслась у носа. В области шеи что-то хрустнуло, и висельник полетел вниз.

Девушка подставила руки, чтобы он *«не убился»*. Тело больно ударило по правому запястью, зато это уменьшило скорость падения.

У Лили от боли брызнули слёзы. Держа второй рукой повреждённое запястье, она присела рядом, упёрлась коленом туда, где должно быть сердце, и несколько раз надавила. Вынутый из петли лежал бездыханно.

Андрей слез с дерева и поспешил на помощь. Он начал трясти мужчину и давить ему на сердце.

– Надо ему сделать искусственное дыхание, – продолжая двумя руками совершать толчки, сказал он.

– Фу, нет, я не могу. Чужой мужик, покойник, – Лиля закрыла рот локтем левой руки, пальцами продолжая растирать пострадавшее запястье.

– Может, через сарафан?

Ответить она не успела, послышались звуки сирены. Вскочив с места, побежала к дороге, чтобы врачи не тратили время на поиски.

* * *

Они сели невдалеке и, обнявшись, наблюдали за действиями врачей, за спинами которых лежал мужчина в сером костюме.

Потом появилась другая машина с мигалками, люди в форме стали задавать разные вопросы. Парень с девушкой рассказали всё, что видели, точнее – слышали. Подошёл врач, посмотрел на полицейского, отрицательно помотал головой: не жилец.

Лиля стало обидно – они так старались его спасти! Не спасли, И рука болела всё сильнее.

– Позволите? – участливо спросил врач и взял девушку за запястье.

– Ай, больно же, – слёзы снова подступили.

– Вы руку подставили, чтобы подхватить мужчину? – спросил врач.

– Да, чтобы спасти его. Глупо, да?

– Нет, не глупо. Вы очень храбро себя повели, но, к сожалению, не всё в наших силах, – врач посмотрел на полицейского. – Если вы закончили, мне очень хотелось бы отвезти девушку в травматологию. Не нравится мне рука.

Полицейский тоже взглянул на припухшее запястье:

– Я позвоню, если возникнут вопросы. – Постарайтесь пока не уезжать из города.

– У нас сессия, – пояснил Андрей. – А потом мы хотели бы съездить отдохнуть, – на всякий случай предупредил он.

Полицейский написал на листке свой мобильный и рабочий телефоны:

– Надеюсь, к тому времени уже всё выяснится.

Андрей быстро собрал вещи и тоже сел в машину «скорой помощи». Лиля задумчиво смотрела в сторону, где оставался лежать мужчина в сером костюме.

Странно всё это. Даже будучи искажённым смертью он выглядел привлекательно. А меньше часа назад был жив. Что заставило его пойти на суицид? Или... или его повесили? От этой мысли внутри всё похолодело. Ведь они не видели, как он делал петлю, только слышали треск веток. И если он был не один, значит убийца оставался где-то рядом.

* * *

Рома вернулся домой поздно вечером, когда из кафе проводили последнего гостя. Весь день настроение у него было приподнятым после фотопрогулки. Ему не терпелось посмотреть первые кадры нового фотоаппарата. Жаль, что заряд в аккумуляторах быстро закончился.

Молодой хозяин положил массивный агрегат в большой комнате на диван, на котором когда-то спала бабушка и который продолжал поскрипывать по ночам, как при её жизни. Затем пошёл вымыть руки и включить чайник. В этой же комнате придвинул столик, часть которого занимал ноутбук, и привычно щёлкнул по пульту, чтобы узнать последние новости.

Сквозь шум чайника голос диктора пытался пробиться с новостями о поездке губернатора в один из районов области, о встречах главы с местными чиновниками, рабочими и просто жителями района. О целях и задачах руководства, о душевных визитах к местным многодетным семьям и ветеранам войны.

Все эти репортажи – о поездках в районы – очень походили друг на друга. Различались только лица чиновников, производственников, аграриев, предпринимателей, многодетных семей и прочего населения. Ну, и рубашка с галстуком у главного человека региона.

Рома отломал толстый кусок ароматного хлеба, на него водрузил два кругляша вареной колбасы, сверху положил несколько пластов сыра и огуречных колец, посыпав их солью с перцем.

Бабушка была противницей ночных чаепитий, она приучала его следить за своим здоровьем и весом. Но он не мог себе отказать в таком завершающем аккорде рабочего дня, тем более что ночью вредное казалось ещё вкуснее.

Хлопок чайника из вестил о том, что кипяток для кофе готов. Роман уже потянулся за банкой в стареньком шкафчике, как слух уловил перемену в голосе диктора – с приподнято-оптимистичного на тревожный.

«Серия странных самоубийств произошла сегодня в районе новой застройки в заречной части города. За короткий промежуток времени из жизни ушли две девушки, женщина, молодой мужчина и пенсионер. Наши корреспондент попыталась разобраться в ситуации».

Поставив чайник на место, Роман поспешил в комнату и прибавил звука. На экране показались знакомые места – здесь он сегодня проходил. Худенькая блондинка с прямой чёлкой до бровей приступила к подробностям.

«Череда трагических случаев произошла сегодня в одном из новых микрорайонов города. Пятеро человек погибли при странных обстоятельствах. Следствие пытается разобраться в причине смертей. Что это было – самоубийство, доведение до самоубийства или убийство? Настораживает не только сосредоточение событий во времени и пространстве, но и отсутствие явных причин для отчаянных поступков».

Камера переместилась к многоэтажке. Сначала в кадре появилась высокая стена из красного кирпича, затем фокус стал двигаться ниже, до асфальта, кусок которого был закрыт мозаичным фильмом.

В правом углу кадра возникло лицо красивой девушки с жизнелюбивой улыбкой и светлыми кудрявыми волосами. Утром она сидела на подоконнике и наслаждалась солнышком.

«Тело 20-летней Марии Летиной обнаружили под окнами многоэтажки, где она жила. Она была единственным ребёнком в семье. Родные шокированы тем, что произошло», – сообщила журналистка.

Камера задержалась возле квартиры № 12, затем проникла внутрь, в уютную кухню. За столом сидела женщина, закрыв лицо ладонями, её обнимал мужчина с сединой и болезненным цветом лица. Оператор направил камеру на стакан воды и сердечные капли на столе.

«Ничто не предвещало, ничто! – говорила женщина, не убирая рук от лица и громко всхлипывая. – У Машеньки сейчас сессия, она всё прекрасно сдаёт. Через неделю собиралась с подружками на море, мы путёвку уже купили, денег отложили, чтобы девочки хорошо повеселились. И вот...»

«А что Маша делала утром?» – уточнила журналистка.

«Да ничего, просто отдыхала, – ответил отец. – Сидела на подоконнике, читала стихи», – камера выхватила томик с позолотой на обложке.

«В течение одного часа произошло несколько... трагических случаев. Вы не замечали новых знакомств, новых людей в окружении дочери? Или вот этих погибших?» – спросила корреспондентка.

«Она девочка общительная, но – нет, – уверенно замотал головой отец. – Сейчас ещё зачёты, экзамены. Все знакомства – просто помахать рукой проходим... У нас с матерью со здоровьем плохо, в последние полгода одни болячки. Но если это кто-то подстроил, мы найдём его».

Дальше журналисты оказались на центральной площади. Фонтан продолжал игриво бить струями. Правее, за светофором, стоял грузовик. Номер и всё, что ниже него, тоже были размыты клеточками-мозаикой. В правом углу появилась фотография красивой женщины.

«Алина Сергеевна Вострецова любила здесь отдохнуть, – рассказывала журналистка. – Сегодня её тоже видели сидевшей на скамейке. Затем она подошла к дороге и шагнула под колёса большегруза. Погибшая работала врачом в перинатальном центре, была замужем, воспитывала ребёнка-инвалида. Семья осталась без любящей жены и мамы».

В кадре появились бледный мужчина и подросток, вжимавший шею в плечи и с недоверием смотревший на камеру, оператора и журналистку.

«Нет, я не верю, что Алина сама это сделала, хоть и есть запись, – мужчина прижал сына к себе. – Она слишком любила жить, слишком любила себя, чтобы всё оборвать. И слишком упряма, чтобы последовать чьему-то приказу».

«Этой ночью врач помогла появиться на свет двум замечательным карапузам, – продолжила журналистка. – Затем она планировала попить кофе с подружкой и пройтись по магазинам».

Следующие кадры – рядом с кирпичной пятиэтажкой. На экране – уютная скамейка с чугунными ножками и завитушками по бокам. В правом углу – фотография симпатичного седоволосого старика. С трудом верилось, что трудовую жизнь он провёл на службе в тюрьме, а не на детских утренниках в качестве доброго дедушки Мороза.

«Здесь любил посидеть Игорь Валерьевич Макаров, – продолжила репортаж журналистка. – Мужчина давно на заслуженном отдыхе. Всю жизнь он проработал в системе исполнения наказаний, направляя на истинный путь тех, кто оступился. Оказавшиеся за решёткой помнят своего зама по воспитательной работе, его отеческое отношение к осуждённым. Говорят, что после своего освобождения они его навещали. В коллективе он пользовался уважением и неоднократно бывал награждён».

Камера показала скамейку с другого ракурса.

«Игоря Валерьевича видели на его любимой скамейке в последний раз. Как обычно, он вышел подышать свежим воздухом».

«Он улыбался, поинтересовался, как дела, – рассказывала соседка. – Я спросила, как его спина. Он пошутил, что до свадьбы заживёт. Внука собирался женить в следующем месяце».

«Чуть позже соседи заметили, что дверь в квартиру Макарова приоткрылась. Пожилой мужчина держал руку с ножом в горле. Спасти его не удалось, – продолжала журналистка. – Игорь Валерьевич жил в однокомнатной квартире. В новостройку он переехал, когда старый дом признали аварийным, а жителям предоставили новое жильё или денежную компенсацию. Макаров – многодетный отец, у него трое внуков. Жена умерла около десяти лет назад. По словам родственников погибшего, их отец и дед был рьяным противником суицида. Они не верят, что их родной человек мог самовольно уйти из жизни».

Теперь камера показывала телефон. В титрах было указано, что на громкой связи сын погибшего – Илья Игоревич.

«Мы намерены добиться правды. Отец не мог сделать этого с собой. Он всегда осуждающе относился к самоубийцам как к слабым людям. И у него не было повода резко изменить точку зрения».

«Давно вы виделись с отцом?» – спросила журналистка.

«Мы больше перезванивались. Но в предстоящие выходные планировали выбраться на семейные шашлыки...»

Камера переместилась к следующему дому, добралась по окнам до седьмого этажа.

«Выпускница Марина Соколовская выпила все таблетки, какие нашла в доме», – на фоне окон появился снимок молоденькой девушки, похожей на ангела.

«Она сдала все экзамены, – рассказывала мама с чёрной повязкой на волосах. Возле глаз постоянно мелькал белый без рисунка платочек. – Некоторые результаты уже сообщили – очень хорошие, большие восьмидесяти баллов. Планировала поступать на юридический. Говорила, что только так сможет доказать свой боевой дух».

«Что Марина делала в тот день?» – спросила журналистка.

«Она предупредила, что пошла подышать свежим воздухом. Вечером мы планировали поездку по магазинам, выбирать ей платье и туфли для выпускного. С подготовкой к экзаменам было не до нарядов, – мама недоумевающе пожала плечами. – В голове не укладывается, что она это с собой сделала».

«Может быть, она вступала в какие-то группы в соцсетях?»

«Я поняла, о чём вы говорите. Если Мариша случайно и натыкалась на «группы смерти», то не была такой глупой, чтобы выполнять чужие задания. Я уверена, что она бы придумала что-то в ответ зачинщикам этих групп. Такой была моя дочь».

Теперь камера оказалась на берегу реки, недалеко от нового микрорайона.

«Пятая жертва – Евгений Мокрецкий, – продолжала журналистка. В кадре улыбалось лицо в шляпе, нахлобученной чуть набок. – Молодая пара отдыхала на берегу, когда совсем близко от них послышался шум. Парень с девушкой не поняли, что происходит. А когда обнаружили молодого мужчину, то он был уже повешен на дереве».

«Мы пытались его спасти, – прижимаясь к Андрею, рассказывала Лилия. – Сначала был треск веток. Мы решили выяснить, что происходит. Увидели, как он... висит... и не двигается. С трудом сняли. – Оператор показал гипс на её правой руке. – Врачи приехали, тоже пытались откачать, но он... умер», – девушка уткнулась в грудь своему парню.

«По пути на берег Евгений зашёл в гипермаркет и купил несколько мотков верёвки», – продолжала журналистка.

В кадре появились знакомые стеллажи местного магазина. Пухленькая девушка-консультант стала показывать на товар:

«Он попросил помочь выбрать самые плотные верёвки. Взял несколько упаковок, – рассказывала продавец. – Потом направился вотдел, где продаются шампуни и мыло».

«В каком настроении он был?» – спросила журналистка.

«В приподнятом. Он пританцовывал и напевал, – растерялась продавец. Вот так», – и она попыталась изобразить узнаваемые Романом движения.

«Молодой мужчина женился полтора года назад, удочерив и усыновив детей своей новой возлюбленной», – продолжила телевизионщица.

В кадре возникли перепуганные девочки и мальчик, которых обнимала молодая женщина. Старшей девочке было лет двенадцать, вторая – года на два или три младше, а брат собирался пойти в первый класс.

«У нас всё было хорошо. Никаких ссор, разногласий, угроз, – рассказывала молодая женщина. – Он был добрым и весёлым человеком. Любил детей, даже очень. Относился к ним как к родным».

«Могли ли его убить или заставить с собой сделать это?»

«Нет, что вы! Врагов у Жени не было. Он умел дружить, помогать, поддерживать. Убивать или заставлять – просто не за что».

Камера показала крупным планом автомобиль следственного комитета.

«По всем пяти случаям ведётся доследственная проверка, по результатам которой будет принято процессуальное решение, – сообщил высокий худощавый мужчина с глубокими ямочками на щеках. В титрах – подпись: "Старший следователь следственного комитета Алексей Стрижов". – Пока преждевременно делать выводы. Следствие рассматривает разные версии».

«В том числе убийства?» – уточнила журналистка.

«В том числе убийства», – подтвердил Стрижов.

«Это была Анна Воженина. Мы будем следить за ходом следствия», – завершила сюжет блондинка.

За спиной дважды скрипнул старенький диван, словно вздохнув. Рома ещё немного постоял перед экраном, ожидая продолжения. Но дальше начались другие сюжеты – про детские лагеря, про летний отдых и так далее.

Роман не мог поверить. Пятеро людей, которых он случайно увидел и сфотографировал на улице, сейчас мертвы! Причём не просто мертвы, а все решили покончить с собой. Он с недоверием посмотрел на фотоаппарат. Вытащил флешку, вставил в картридер и запустил копирование.

Взгляд его привлёк свет на кухне. Ах, да! там остывал кофе и ждал самый вкусный мега-бутерброд. До окончания копирования оставалось несколько минут, во всплывающем окне появилось сообщение. Не пропадать же добру. Рома ещё раз щёлкнул по кнопке чайника. Когда

тот стал достигать пика своего шума, выключил его и плеснул кипятка в большую чашку. Со своим ночным ужином он направился в «зал».

Подул на кофе, шумно отпил, откусил от своего фирменного блюда кусок побольше и зашёл в интернет. Случившееся попало в топ не только региональных, но и федеральных новостей. Происшествие уже начали комментировать известные люди.

В разных ведомствах требовали провести тщательное расследование. Политики говорили о незащищенности людей и появлении групп смерти для взрослых. Экстрасенсы ссылались на конфигурацию планет в этот день, фазы луны и нумерологию. В целом – оранжевый или красный уровень опасности.

Рома, дожёвывая бутерброд, снова покосился на своё приобретение, сейчас мирно занимающее часть дивана.

Но это же просто фотоаппарат, аппарат для фото, а не для убийства!

Он стал просматривать отснятые кадры: прекрасная незнакомка в окне, прекрасная незнакомка на скамейке, прекрасная незнакомка, танцующая с незнакомым мужчиной, милый дедуля, опёршийся на тросточку...

Труп. Труп. Труп. Труп. Труп...

Рома снова покосился на фотоаппарат. Он здесь при чём или не при чём?

Последний кадр с оранжевым пятном привлёк его внимание. Он вспомнил, как случайно нажал кнопку перед тем, как сели аккумуляторы.

Фотоаппарат выхватил из толпы молодую женщину с широкой оранжевой коляской. Ей было лет двадцать пять. Свободная футболка и брюки скрывали недостатки её фигуры, если таковые имелись. Каштановые волосы собраны в хвост. Бледное лицо. Тёмные круги под глазами говорили о сильной усталости. Если эти двое в коляске совсем маленькие, то всё объяснимо.

Её взгляд... Роман увеличил кадр. Женщина была явно *тревожна*. Но её тревога касалась не детей, а окружающих. Она смотрела на кого-то чуть левее Романа. Он пытался вспомнить, кто был рядом. А может быть, не смотрела, а искала взглядом кого-то? А если она искала *его*?

Интересно, что сейчас с этой женщиной? Она жива? Если да, то это просто случайное совпадение. А если нет?

Рома снова покосился на фотоаппарат. Пока есть только один способ узнать это: найти маму-незнакомку.

Глава 2. Случайные кадры

Утром Рома направился в тот микрорайон, на площадку, где случайно сфотографировал женщину с оранжевой коляской. Новый солнечный день входил в свои права. На оживлённом месте стали появляться первые коляски, дети с ведёрками и лопатками, решившие обустроить песочницы по своему усмотрению.

Роман пил кофе и наблюдал за мамашами. Они улыбались, заглядывали в коляски, кружили с детьми на вытянутых руках, умилялись спящими ангелочками. В общем, царила безоблачная идиллия.

Роман плохо помнил своё детство. Папа работал, мама в основном сидела дома. Редко куда-то устраивалась, но не приживалась. «Не умею я работать», – со смехом говорила она.

Но он не помнил такого же счастливого смеха мамы, кружения его на руках и умиления. Хотя то, что происходило с пелёнок, вряд ли кто помнит, а чем дальше, тем дети становятся всё неподъёмнее, чтобы их поднимать повыше к небу.

Мама вообще была, как бы это сказать, малоэмоциональная. Очень сдержанная, даже строгая. Лишний раз у неё и не поозорничаешь, и не покривляешься.

Однако она заложила основу для правильного воспитания, которое продолжила бабушка. В итоге он вырос таким – способным, сознательным, с головой на плечах. Как обычно говорят в таких случаях – нормальным человеком.

Он снова посмотрел на счастливых мам и повизгивавших от радости детей. Всё-таки этого ему в своё время не хватило.

Роман перевёл взгляд на фотоаппарат. Какие шикарные кадры можно было бы сделать! Но прежде чем жать на *курок*, то есть на кнопку фотоаппарата, нужно во всём разобраться.

Он ещё раз осмотрел двор. Оранжевой коляски не было, и девушки с уставшими глазами тоже не было. А вдруг она не появится? И причиной может быть, к примеру, поездка на дачу, при полном здравии всей семьи. Он посмотрел на часы: ещё рано, надо подождать.

Взгляд задержался на песочнице. Мальчик и девочка лет трёх-четырёх что-то строили. Девочка в косынке, повязанной на затылке, по-хозяйски отдавала распоряжения, что-то поправляла, указывала пальцем в разные участки песочницы. Мальчик внимательно слушал, держа руки узелком за спиной, кивал с серьёзным видом, соглашаясь с «хозяйкой». Потом перевёл взгляд с песка на подружку, которая продолжала что-то говорить, и неожиданно её поцеловал.

Рома захохотал: вон какие страсти творятся в песочнице! А мальчик – не промах. Девочка повернулась к нему и что-то сказала. Кавалер лишь шаловливо улыбнулся.

Из глубин воспоминаний промелькнуло что-то похожее. Он – в садике, в красивой рубашке с динозавриками, волосы взъерошены волосами. Хотя они всегда были такими. И красивая девочка Лида. Её тёмные волосы всегда схвачены ярким бантом в хвост на макушке. Под кончиками чёлки открывались большие серые глаза. Розовые губки обычно улыбались. Она нравилась всем мальчикам их группы. И Рома даже жениться хотел. Но потом что-то произошло, что-то нехорошее.

Он не помнил, что именно. Однако ребёнком он стал сторониться самой красивой девочки группы и боялся даже посмотреть на неё.

Сидя на скамейке более пятнадцати лет спустя, Рома пытался догадаться, что тогда случилось. Или что могло случиться? Ответа он не находил.

– Смотри, к Наташке свекровь приехала, – услышал он заговорщицкий шёпот за спиной. Повернулся – на соседней скамье сидели две молодые мамочки возле убаюканных в колясках детей и ели мороженое.

– И правда. Чего это она вдруг с детьми решила погулять?

– Не знаю. Но точно не совесть проснулась.

Рома повернулся в ту сторону, куда смотрели девушки. Из подъезда многоэтажки с яркими полосами на штукатурке вышла женщина лет пятидесяти с оранжевой коляской. Она была высокая, статная, очень ухоженная. Короткие тёмные волосы завиты, на блестящей цепочке поблёскивали очки. Летнее платье с большими цветами и расклешённой юбкой ниже колен. На ногах – удобные босоножки на мягкой подошве. Справляться с громоздкой коляской ей было явно непривычно.

Из коляски послышался плач, женщина стала интенсивнее водить ручкой вверх-вниз и что-то напевать.

– Вот, пусть сейчас посмотрит сама, каково это – с двумя, – злорадно заметила одна из подруг за спиной.

– Это точно. Может, тогда подумают о том, что Натке нужно хоть немного помогать, пока она концы не отдала.

У Ромы внутри всё похолодело.

– А сама-то она где? – вторая подруга задала тот же вопрос, который мучил и начинающего фотографа.

– Не знаю. Может, мечты свои исполняет?

– Какие? – не поняла подруга.

– Как говорится, в постели я звезда.

– Чего-о?

– Спит, чего непонятного-то.

– И ты думаешь, что ради этого свекровь из своих элитных хоромов примчала?

Обе задумались. Дети в оранжевой коляске продолжали плакать, а женщина – катать коляску взад-вперёд.

– Машины Димки, мужа, не видно.

– Уехал. Только куда – на работу или... по личным делам?

– Не нагоняй тоску.

Девушки продолжали смотреть на женщину, которая пыталась справиться с внуками. Она наклонялась над коляской, что-то говорила, водила ручкой коляски вверх-вниз, снова наклонялась. Плач, похожий на кошачье мяуканье, продолжался.

Рома допил кофе и решил пойти на разведку. Он дружил с одногруппницей Настей Кольской. Студенты много общались, готовились вместе к занятиям, пока он не отправлялся на работу, а девушка – на очередное свидание.

На втором курсе она родила. Стали видаться реже, но всё же встречались. По-дружески он помогал ей с сынишкой Тимофеем. Малыш с удовольствием оставался с чужим дядей. Любил потаскать того за русые волосы и залиvisto хохотал в ответ на щекотку. Полученный опыт мог сейчас пригодиться.

Роман задрал солнцезащитные очки повыше лба и улыбнулся обаятельно, как хороший мальчик.

– Извините за вмешательство. Позвольте помочь.

Женщина растерялась на секунду, но вмиг растерянность сменилось возмущением. Неужели она, родная бабка, уважаемая женщина, состоявшаяся карьеристка и мать, нуждается в помощи какого-то проходимца? Пока женщина не выпалила что-нибудь подобное слову «хам» и не послала куда подальше, Рома примирительно поднял руки вверх, словно сдаваясь.

– Простите, вы меня не знаете. Я здесь недалеко живу, – он махнул в сторону, где действительно в нескольких километрах стояла его старенькая хрущёвка. – Видел, как с детками гуляет Наташа – наверное, ваша невестка, – женщина кивнула, внимательно слушая объяснения. – Малыши, бывает, капризничают. Тяжело с ними, вообще со всеми маленькими. Но дети отвлекаются на незнакомых людей, перестают плакать. У моей сестры есть маленький сын, мы

не так часто видимся, так что метод проверен. Если вы не против, я и с вашими малышами немножко подурачусь, чтобы они успокоились и заснули.

Женщина обдумывала предложение. С одной стороны, она была бы рада, чтобы внуки перестали плакать. С другой – какой-то клоун с патлами в хвосте будет – кстати, что он будет делать, чтобы успокоить детей? А вдруг что-нибудь неприличное? И, в-третьих, весь двор увидит, что не она, родная бабушка, уважаемая женщина, состоявшаяся карьеристка и мать, справилась с плачущими детьми, а молодой парень, похожий на хиппи.

Рома интуитивно понял, о чём может думать эта представительная женщина.

– Если хотите, мы отойдём в сторонку, подальше от площадки, где не слышно шума и нас не увидят, – предложил он. – А если вас что-то смутит, я пойду дальше своим путём.

Близнецы усилили рёв, бабушка закачала коляску – снова бесполезно.

– Ну... ну хорошо, – согласилась она. Рома видел, что это согласие далось ей непросто. – Я действительно немного отвыкла от маленьких детей. Пойдёмте в сторонку.

Она попыталась повернуть громоздкую коляску. Не так-то просто это оказалось сделать.

– Давайте я помогу, – Рома аккуратно развернул коляску. Дети действительно притихли, увидев незнакомого дядю. – Вам повезло: сразу два внука, – женщина довольно улыбнулась. – Это ж двойная нагрузка, приятная, конечно, но всё же. Бывает, с одним малышом кое-как справляются, а тут целый комплект.

Карапузы снова начали хныкать, Роман с бабушкой к тому времени уже зашли за дом.

Он склонился над коляской:

– Привет, парни! Я – Рома. А вас как зовут?

Дети раскрыли глаза, ожидая продолжения и обдумывая, что делать дальше – продолжать реветь или начать смеяться? Строгая бабушка заметила перемену. Дети – они чувствуют ребёнка, хоть и большого.

– Санечка и Ванечка, – ответила женщина за малышей.

– А бабушку вашу?

– Валентина Павловна.

– А кто из вас больше хохочет? Санечка или Ванечка? – малыши довольно застучали ножками и ручками. Улыбки оголили ротки с пробивающимися зубками. Один из мальчиков взвизгнул.

– Ах ты, какой весёлый малыш. И братан такой же? – ручки с ножками начали двигаться сильнее, дети улыбались и ждали продолжения веселья.

– А кто любит кататься на коляске? Вот так: о-оп! – Роман резко откатил коляску от себя и резко потянул обратно. Снова послышалось довольное повизгивание.

– Нравится? – мальчики сильнее задвигали ручками и ножками.

Рома повторил трюк с «колясочной каруселью» несколько раз, постепенно замедляя темп и просто улыбаясь детям. У тех стали закрываться глазки. Рома сменил режим на простое укачивание. Всё-таки иногда полезно дружить с молодыми мамами.

Бабушка стояла в растерянности, наблюдая, как капризные мальчишки засыпают. Рома передал ручку коляски женщине:

– Теперь можно спокойно походить или посидеть в тенёчке. Ещё не жарко, должны хорошо поспать, – прошептал он.

Один из малышей скорчился, намереваясь проснуться. Рома снова начал покачивать коляску.

– Пойдёмте на аллеи, – показала женщина в сторону, доверив коляску незнакомцу.

Рома катил её аккуратно, слегка покачивая.

Они дошли до тихой скамейки, удалённой от подъездов, дорог и детских площадок.

– Спасибо большое, – женщина искренне поблагодарила. – С ними действительно тяжело. Двое близнецов – двойная нагрузка. Вы такой молоденький, а понимаете это, – она смущённо улыбнулась.

Рома посмотрел на спящих малышей, сейчас похожих на ангелочков. Бабушка разглядывала свои наманикюренные пальцы, изредка поднимая глаза на внуков.

– Это когда одному – тяжело. Если рядом есть помощь – всё проще, – подбодрил её Рома.

– Да, наверное, вы правы, – женщина задумалась о чём-то своём.

– Мамка-то у вас сегодня на выходном? – Рома не знал, как лучше перевести тему в нужное русло. Но ему было необходимо узнать о судьбе Наташи.

– Можно и так сказать, – женщина не поднимала глаз.

Рома чувствовал, что ей хочется выговориться. Поэтому он не стал ничего говорить, лишь развернулся и продемонстрировал готовность слушать.

– У вас всё в порядке? – участливо поинтересовался он.

Бабушка поняла, что рядом действительно собеседник, а не случайный прохожий.

– Наташу вечером «скорая» забрала, – начала рассказывать женщина.

У Романа всё внутри оборвалось.

– Что случилось?

– Стало плохо, приступ, – женщина посмотрела на спящих внуков. – Врачи сказали, что всё дело в истощении, в усталости. С ними действительно тяжело, всё-таки двое. А мы с Димой этого не понимали, – бабушка продолжала смотреть на внуков.

* * *

Вечером Наташа с трудом шла по квартире. Казалось, что она может уснуть стоя. Голова была тяжёлой, в висках пульсировало. Язык еле поворачивался, чтобы произнести хоть слово. Она прислонилась к стене в коридоре, чтобы пропали мельтешащие круги.

Знакомое, уже привычное состояние. И впереди единственный свет в конце тунеля – когда её карапузы подрастут, перестанут днём и ночью капризничать, будут давать маме хоть иногда отдохнуть. Но это светлое будущее, казалось, никогда не наступит.

Муж чётко распределил обязанности по дому. Он – добытчик, с утра до вечера работает, чтобы достойно обеспечить семью. Дома ему хотелось отдыхать, а ночью хорошо выспаться, чтобы продолжить выполнение своей главной миссии.

Жена должна воспитывать детей, содержать дом в чистоте и потчевать супруга свежей, вкусной и полезной едой. И не забывать о своих супружеских обязанностях, дабы муж не заскучал.

Намекнув свекрови на то, что она смертельно устаёт, Наташа поняла, откуда растут ноги. А именно – из *правильного распределения ролей в семье*.

Валентина Павловна была категорична в данном вопросе. С присущей ей строгостью она ясно дала понять, что все женщины прошли через это. Без посторонней помощи, без современных памперсов, стиральных машинок и прочих благ, которые облегчают обязанности молодой матери. Поэтому выполнять вышеуказанные требования – воспитывать детей, соблюдать чистоту в доме, радовать мужа горячими блюдами и разного рода десертами – вполне под силу. Если только перестать вести себя как клуша.

Семья Наташи жила далеко в деревне. Мама предлагала приехать помочь, но молодая жена решила, что так будет ещё хуже.

Так шёл день за днём, ночь за ночью. Усталость росла, как клубок толстых шерстяных ниток. Иногда Наташа теряла счёт времени и дням недели, мечтая лишь о том, как она закроет глаза и погрузится в манящую темноту.

Она стояла в коридоре, круги перед глазами не проходили. Внезапно стало тяжело дышать, она не могла набрать полную грудь воздуха. В гостиной телевизор сообщал о последних бизнес-новостях, из детской слышалось агуканье малышей.

Голова закружилась сильнее, Наташа попыталась найти опору, чувствуя захватывающую невесомость, а потом удар по бедру руке, плечу, лицу.

Сквозь туман она слышала недовольный голос мужа, пытаясь в своём сне набрать воздуха, чтобы не умереть. Дима похлопал её по щекам, стал куда-то звонить. Наташа попыталась разобрать слова – судя по всему, муж звонил матери: «она упала», «не реагирует», «не спит», «дышит тяжело», «прямо в скорую?», «а само не пройдёт?».

В забытье, когда организм направляет оставшиеся силы, чтобы снова научиться дышать, Наташе стало противно: тон мужа был скорее раздражённым – его отвлекли от привычного графика. Но хотя бы в скорую он позвонил.

Наташа пыталась справиться с приступом, сделать полный вдох, однако натыкалась на преграду внутри. В груди ухало сердце, отдавая пульсом в висках. Неужели именно так... умирают люди? Чувствуя свою беспомощность и раздражение родных людей?

Потом приехала «скорая». Наташа чувствовала прохладные прикосновения перчаток, разных приборов, лекарство во рту. Её погрузили на носилки и стали выносить из квартиры.

«Даже с детьми не дали попрощаться», – подумала Наташа и погрузилась во тьму, забыв о нехватке воздуха.

* * *

– Наташа сейчас в больнице, – сообщила свекровь Валентина Павловна. – Поздно вечером ей стало плохо. Сын перепугался, позвонил мне и в «скорую».

– С ней всё хорошо? Что говорят врачи?

– Её ещё обследуют, кардиолог и другие врачи. Пока говорят, что сказывается общее переутомление и недостаток сна.

– Но главное, что жить будет, – у Ромы отлегло от сердца.

– Да, это главное. Дима с утра ездил навестить. Говорит, что уже лучше себя чувствует: выпалась, повеселела. Если врачи разрешат, то скоро будет дома.

– А в какой она больнице?

– В областной.

– Этих врачей хвалят, так что всё будет хорошо.

– Надеюсь, – вздохнула женщина.

– Вы только проследите, чтобы вам в эти дни помогали. И потом Наташу одну не оставляйте. Это же не только двойная радость, но и двойные хлопоты.

Они оба посмотрела на спящих близнецов.

– Ванечка с Санечкой будут расти, со временем станут и меньше капризничать. Но появятся другие заботы.

– Да, – снова вздохнула бабушка, и в уголках глаз строгой женщины блеснули слёзы. – Надо только помочь.

* * *

Рома пошёл дальше, думая о молодой маме Наташе и её приступе. Связано ли это с тем, что он её случайно сфотографировал или все дело только в накопившейся усталости? В любом случае, женщина жива, а после хорошего отдыха и перемены отношения к ней родных будет полностью здорова. Если и есть вмешательство кадра, то положительное. Ведь строгая свекровь смилостивилась над невесткой. Остаётся надеяться, что всё у них наладится.

Он шёл дальше по солнечной улице, пока не увидел гипермаркет техники, где купил фотоаппарат. Неприятный осадок от процесса покупки поднялся вновь. Роману вспомнилась агрессия толстого консультанта, испуг молодого стажёра, вспомнилось то, как он сам отвечал наглому продавцу. И тут Роман чуть не споткнулся. Он же сфотографировал их обоих! Но снимок остался не на флеш-карте, а в памяти самого аппарата.

Вчерашний покупатель остановился, глядя на здание и пытаясь определить: всё ли в порядке за его стенами. У входа и на парковке творилась привычная суэта. Никто не озирался по сторонам в беспокойстве, не показывал пальцем в левое крыло торгового комплекса. Рядом не было «скорых», полицейских, пожарных и прочей техники. День как день, самый обычный, будничный.

Роман направился к входу, глядя на баннер, который побудил его сделать покупку. Рад ли он ей, учитывая всё произошедшее? Он теперь не знал.

Привычным путём он дошёл до магазина электроники, переступил порог. «Здравствуйте». «Здравствуйте», – послышалось с разных сторон. Роман повернулся – к нему с улыбкой обращались консультанты.

– Что-нибудь ещё хотели приобрести? – участливо спросил один из них.

– Нет, пока решил глазами по полкам поводить, – улыбнулся Роман.

– А-а, – понимающе протянул сотрудник магазина. – Если что – нам сегодня привезли новые телефоны и телевизоры.

– Хорошо, учту, – улыбнулся Роман.

Он пошёл дальше в зал. Справа, у рядов холодильников, стоял вчерашний толстый консультант. Угрюмый, в полном одиночестве. Несколько продавцов окружили стажёра Вениамина. Только он уже не ролики ютубовские крутил, а что-то объяснял про товар. Оба живы и целы. Причем, стажёр – в фаворе, а вчерашняя звезда – вignore.

Рыжий повернул голову и увидел Романа, помахал ему рукой, как хорошему другу. Покупатель ответил тем же, невольно улыбнувшись. Вениамин что-то сказал консультантам напоследок и поспешил к посетителю.

– Добрый день, вижу – вы во всеоружии, – улыбнулся парень, посмотрев на кофр.

– Да вот, хожу, наслаждаюсь, – Роман приподнял кофр за ремень.

– Ну, как первые кадры? Удались? – спросил рыжий.

– Ещё как, спасибо, – покупатель старался держаться естественно. – Скажите, а эта продажа – не какие-нибудь спецзаказы, спецавозы? Ну, что-нибудь такое.

– Да нет, – пожал плечами консультант. – Обычная поставка, акции придумывают в главке, мы лишь исполнители. А почему вы спрашиваете? Что-то не так с фотоаппаратом?

– Вроде бы всё так. Но есть такое странное чувство... Вы только не говорите никому, хорошо? И я предупреждаю, что не псих.

– Хорошо.

– Кажется мне, что снимки способны *изменять* людей и их жизни, – Роман закатил глаза – мол, я понимаю, как это странно звучит.

– А как – менять? – не понял продавец.

– Ну, вот, к примеру, я вчера сфотографировал вас с тем, который у холодильников, – Рома забыл, как зовут *профессионала*. – Сегодня он один, а вы – в центре. Вот так, к примеру. Парень задумался, вспоминая вчерашние события.

– Вы хотите сказать, что он... *магический*? – прошептал он.

– Что-то типа того, да, – согласился Роман.

– Можно посмотреть? – попросил Вениамин.

Покупатель достал технику. Стажёр её покрутил, заглянул в отсек с флешкой, с аккумуляторами. Сфотографировал полки, нажал на просмотр и стал мотать снимки. Через несколько минут он поднял глаза.

– Боже, это же люди из новостей! – оглянувшись, прошептал рыжий.

– Да, я знаю, – кивнул Роман.

– И вы их всех... сфотографировали? – рыжий зашептал ещё тише.

– Да, так получилось.

Рыжий ещё помотал кадры, а потом вернул фотоаппарат, задумавшись.

– А мы, значит, остались живы, но изменилось соотношение, – Вениамин застучал ногой, обдумывая случившееся.

– Была ещё одна случайная девушка. Она в больницу попала, потому что очень уставала с детьми. С ней всё в порядке, но до родственников наконец допёрло, что нужно помогать, – Роман старался шептать, не повышая голос.

Рыжий насупился, что-то обдумывая.

– Да нет, ничего мистического не было. Партия как партия, самая обычная. И никаких... жалоб не было, неделю этот товар продаём, – парень сосредоточенно кусал губы. – А что, если дело не в фотоаппарате, а том, кто снимает? А меняется всё в зависимости от времени, погоды, настроения, наконец?

Роман задумался: разумное зерно в этом было.

– И если снимки корректируют, исправляют так, чтобы всё стало правильно, что ли?

– Пять трупов – разве это правильно? – чуть не закричал Роман.

– А что ты знаешь о них? Простите – вы знаете...

– Да ничего, можно на «ты». Я ж нестарый. По новостям говорили, все хорошие люди, – пожал плечами покупатель.

– Так всегда говорят. Все же не преступники какие-нибудь. Но люди, может быть, и не совсем хорошие, – предположил Вениамин.

– Хм, не знаю. Я оставлю свой телефон. Вдруг ещё кто-то придёт с такими же вопросами, – Роман достал миниатюрный блокнотик, подаренный однокурсницей, и выдернул листок. Убористым почерком он написал 11 цифр, своё имя и пририсовал фотоаппарат.

Вениамин спрятал листок в нагрудном кармане и попросил блокнот, там вписал свой телефон, имя и кучу точек-канашек на полях.

* * *

Старший следователь Алексей Матвеевич Стрижов сидел за заваленным бумагами и папками столом, среди которых возвышался чёрный монитор. Пять самоубийств! Не депрессивной осенью или весной, а среди белого летнего дня. Журналисты уже раструбили сенсацию на всё телевидение и весь интернет.

Телефон обрывали не только местные, но и федералы. Чего им там, в ихней Москве, больше новостей не хватает? Мало того, пресс-секретарь уже сообщил, что к ним в город делегировали соборов, каждый из которых захочет поговорить со следствием. То, что нет времени и желания общаться, четвёртую власть мало интересует.

Он посмотрел заголовки в топе новостей и простонал, сжав виски руками. «Группа смерти для взрослых...», «Аномальное помешательство...», «Смерть после солнечного затмения...», «Последствия визита НЛЮ...», «Проделки сектантов...», «Чёрный сглаз...», «Ясно-видящая предсказывала это...». Следователь перевёл взгляд на обложки сегодняшних газет и застонал сильнее.

Следственный комитет, конечно, даёт только общую информацию: да, были случаи, ведётся доследственная проверка, но журналистам нужно зарабатывать трафики и гонорары.

Стрижов снова потёр виски. Шутки шутками, а всё же налицо пять самоубийств. Тут во что угодно поверишь – и в помешательство, и в НЛЮ, и в чёрных магов.

В дверь тихо постучали.

– Войдите, – громко ответил он.

В кабинет зашли Настя Савельева и Николай Бронников, молодое поколение следаков. Они вместе учились, вместе попали в отдел и работать предпочитали тоже вместе. Стрижов заподозрил продолжительный роман, но опасения оказались напрасными. Одногоруппники просто дружили и работали слаженно, под девизом: «одна голова хорошо, а две – лучше».

– Что у вас? – уставший Стрижов не хотел отпускать виски, защищая таким образом голову от внутреннего взрыва.

– Мы проверяли камеры в этом микрорайоне, – начал Николай. – Повезло, что застройщик один и территорию монополизировал: одна управляющая компания, одна охранный фирма, ну, и так далее. Записи нам выдали без...

– Да понял, понял, что как по маслу. По сути давай.

– А по сути – их всех сфотографировал один парень, – не обращая внимания на вечную раздражительность непосредственного руководителя, ответил Коля.

– Не понял... – Стрижов даже наклонился, приблизив правое ухо.

– Сначала мы обратили внимание на пенсионера, который постоянно сидел на одной скамейке. И просмотрели кадры с центральной площади, где любила отдыхать врач. Их обоих сфотографировал парень с хвостиком, на студента похож.

– В смысле – фотосессия?

– Просто прохожий. И они не возражали, даже немного попозировали.

– Та-ак, – поднял брови Стрижов.

– Потом мы просмотрели камеры у первой, студентки, – вступила в разговор Настя. – Он тоже проходил под окнами и фотографировал что-то наверху. Родители сказали, что Мария сидела на окне. Возможно, её и заснял.

– А мужчина и школьница – просто мюзикл на улице устроили. Там смотреть надо. Он был в хорошем настроении, пританцовывал. Пригласил сидевую девушку, начал кружить, – Коля взял Настю за руку, пытаясь изобразить танец.

– У тебя целое танго получается, – оценила Настя. – Страс-стно! – она цокнула зубами. – Там попроще было, но они действительно танцевали, а этот парень снимал.

Николай положил на стол распечатанные фотографии и флешку с записями. Стрижов посмотрел на худенького парня, который счастливо улыбался, держа свой фотоаппарат.

– Слушайте, вы меня совсем за дурака держите? Вот этот дрищ пару раз нажал на кнопку и пятеро решили покончить с собой?

– Я слышала, что людей могут зомбировать... Внушать всякие мысли и действия. И при определённом сигнале они делают то, что им было велено, – краснея, сказала Настя. – Может быть, случайный фотограф и был этим сигналом?

– Уй-й! – Стрижов схватился за голову. – Вы хоть журналюгам этого не брякните. И без того ереси хватает.

– Ересь – не ересь, а пока это единственное связующее звено между пятью жертвами, – возразил Николай. – Разрешите продолжать расследование?

– Расследование! – передразнил Стрижов молодого парня. – Ладно, давайте найдём парня вместе с его фото-зомби.

* * *

Роман вышел из торгового комплекса и едва не столкнулся с соседкой тётёй Верой, сейчас уже – бабушкой Верой. Она держала за руку внучку Алёнушку. Девочке было лет пять, и за все свои годы она прошла столько испытаний, сколько не каждый взрослый преодолел за всю жизнь.

Девочка отчаянно боролась за жизнь. Рома посмотрел на внучку соседки. Она была в лёгком платице с длинными рукавами. Бледная, почти прозрачная кожа на худеньком личике с грустными серо-прозрачными глазами, под которыми очертились круги. На голове – панамка, но Роман знал, что под ней нет волос. На тоненьких ножках – удобные сандалики. Беспощадный рак не собирался отступать от маленькой Алёнушки.

– Привет, принцесса, как твои дела? – Рома присел и улыбнулся, стараясь не выдавать тревогу и жалость к ней.

– Как всегда, – она грустно пожала плечиками.

– Выше носик! Посмотри, лето наступило, ягоды скоро на бабушкиной даче пойдут. Здорово же! – подмигнул он.

– Меня в больницу опять положат, – вздохнула девочка.

– Но ты же настоящий боец. Целая армия за тебя болеет, лишь бы ты поправилась. Тогда всем станет совсем хорошо, – сосед снова ей подмигнул.

Ему хотелось обнять девочку, но он боялся – не болезни, а навредить её хрупкому телу.

– Я знаю, – взгляд девочки упал на кофр, сейчас стоявший рядом на асфальте. Алёна внимательно посмотрела на технику. – Ты ведь уже понял?

– Что, Алёнушка? – продолжал улыбаться Рома.

– Ты можешь всё менять, – девочка серьёзно посмотрела ему в глаза. – Но ты должен понять, как всё делать правильно, иначе может наступить беда.

«Беда уже наступила, даже пять», – горько подумал Рома.

– Будь осторожен. И береги других, – тихо сказала девочка и взяла за руку бабушку, выражая готовность продолжить путь.

Рома поднялся, смотря вслед пожилой женщине и маленькой девочке, из-за худобы и бледноты казавшейся прозрачной.

Из кармана послышалась трель телефона. На дисплее снова высветилось имя хозяина кафе. Да, ситуация повторяется.

– Слушаю, Альберт, добрый день, – поздоровался Роман.

– Добрый, добрый. Ром, тут такое дело. Большой человек собрался фуршет-муршет устраивать. Повод какой-то серьёзный появился. Людей влиятельных хочет пригласить, надо, чтобы всё было по высшему разряду и оперативно.

– А что за люди? – уже просто так спросил парень. Ему уже было понятно, что планы придётся менять. Хотя какие планы? Диван с мега-бутербродами подождут до следующих выходных, если им суждено сбыться.

– Да откуда я знаю? Тоже, наверное, чиновники, – заворчал Альберт. – Вон чего наказывал, всего самого дорогого. В общем, приезжай, а?

– Приеду, конечно. Куда ж я денусь, – добродушно заверил Роман.

– Давай, дорогой, жду.

В автобусе он зашёл в интернет с телефона и просмотрел новости. Большое событие у чиновника? Интересно узнать.

В региональном топе действительно сообщалось о двух назначениях. Начальник городской полиции назначен главным полицейским области. Глава регионального управления по потребительскому рынку получил статус заместителя губернатора. Час от часу не легче.

* * *

День прошёл в суете. Готовились так, будто заказали свадьбу министру. Дополнительные сотрудники были отозваны с выходных, они готовили зал, на кухне можно было сойти с ума от ароматов блюд.

Альберт волновался: всё-таки ждали назначенного заместителя губернатора, в ведении которого находился весь общепит региона. Мог бы, конечно, закатить банкет в дорогом ресторане. Но кафе «Лиана» пользовалось хорошей репутацией, интерьер вполне приличный, добротному ремонту меньше года, кормили вкусно и недорого. Внеплановыми гулянками в фешенебельных местах могли заинтересоваться журналисты, чтобы правдами-неправдами выведать меню и итоговую сумму чека. Учитывая статус «Лианы», интерес к пьянке и тратам был бы не таким рьяным.

Рома подозревал, что и здесь чек будет немаленький: заказано всё самое дорогое в больших количествах, плюс дополнительный персонал, который надеется на поощрение, плюс диджей и ведущий.

– Всё будет в порядке. У нас хороший, сработанный штат, не один банкет позади. И сейчас всё сделаем на высоте, – попытался успокоить хозяина Роман.

Тот лишь доставал купюры из разных источников, по мере их опустошения – сейфа, рабочего стола, кошелька, карманов своего пиджака. Сотрудники направлялись с деньгами за дополнительными продуктами и напитками. К началу приёма у Романа создалось ощущение, что хозяин опустошён: не только физически, но и материально. Одна надежда, что все эти расходы окупятся – это понимал даже далёкий от общепита и бизнеса в целом человек.

Виновник торжества – Валерий Алексеевич Воробьёв – прибыл за полчаса до официального начала. Роман узнал его по фотографиям в новостях: лет за пятьдесят, с густыми бровями, яйцевидной лысой головой, потрясывающимся вторым подбородком и свисающим над ремнём брюхом. Говорил он громко, чётко, по-командирски. Возразить или что-либо спросить у него желания не возникало.

С новоявленным заместителем губернатора пришла жена, Лариса Ильинична: невысокая симпатичная женщина с добрым, приятным лицом. Её волосы до плеч были аккуратно уложены. Костюм в мелкий горошек подчеркивал сохранившуюся стройность.

Третьим зашёл молодой мужчина в обычном строгом костюме – водитель или охранник. Он молча осмотрел зал, прошёл на кухню, по пути заглянул во все помещения и вернулся к начальнику, так же молча кивнув. Получив ответный кивок, вышел на улицу.

Альберт побаивался большого начальника, так что Рома подошёл поближе, чтобы поддержать хозяина.

– Это мой... заместитель, Роман Корабельников, – представил его руководитель. «Заместитель» – звучало, конечно, значительно солиднее. А наличие замов поднимало статус самого руководителя.

– Ого! Молодой, а уже зам, – удивился Воробьёв.

– Ну, вы же сами говорили, что молодым надо давать дорогу. А Роман – добросовестный и смыслённый парень, – робко улыбнулся Альберт.

– Говорил? Так правильно говорил. Если голова на месте, пускай работает, – Воробьёв ещё раз внимательно осмотрел парня – от выющихся волос, собранных в хвост, до любимых кед, удачно сочетающихся с униформой. – Ну, показывай, заместитель, что вы тут наготовили.

Рома не боялся этого большого человека, хотя природная наглость у него никогда не зашкаливала. Возможно, причина была в фотоаппарате, который по-настоящему занимал его мысли? Он провёл важного гостя между столов, предлагая возможную рассадку гостей в зависимости от их важности, наличия пары, вредных привычек и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.